

«СВОБОДНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ» В СИСТЕМЕ ЖАНРОВ МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОГО ДИСКУРСА¹

Бичарова Мария Михайловна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: valkirija@inbox.ru.

Данная статья посвящена проблеме жанрового многообразия текстов современной печатной прессы. В основе исследования лежит гипотеза о том, что в массово-информационном дискурсе отдельные виды жанров, обладающие устойчивыми конститутивными признаками, в зависимости от заложенной в тексте прагматической цели вступают друг с другом в определённые взаимоотношения по принципу «свободной зависимости». В процессе этого взаимодействия формируется новая форма организации языкового пространства, которую автор предлагает определить как «конstellация жанров», или «жанровая конstellация».

Ключевые слова: массово-информационный дискурс, жанр, текст, межжанровое взаимодействие, конstellация

“FREE DEPENDENCE” IN THE GENRE SYSTEM OF MASS-INFORMATION DISCOURSE

Bicharova Mariya M., Candidate of Philology, Astrakhan State University, 4141056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev St., e-mail: valkirija@inbox.ru.

The given article is devoted to the problem of genre variety of texts in modern printed mass media. The hypothesis that separate genre types in mass-information discourse having stable constitutive features interact to each other in the way of “free dependence” according to pragmatic aim put in the text. In the process of such interaction a new form of organizing language area is formed. The author proposes to name it “constellation of genres” or “genre constellation”.

Keywords: mass-information discourse, genre, text, genre interaction, constellation

Теория речевых жанров, основателем которой является М.М. Бахтин, – это оригинальное, интересное направление, активно развивающееся в нашей стране. Это одно из достижений отечественной лингвистики. Понятие речевого жанра очень расплывчато, что создаёт определённые трудности в изучении как жанров, так и типов дискурса, в которых они представлены.

Каждый жанр, представляющий собой совокупность организации того или иного информационного материала, который отражает явления реальной действительности и обладает определёнными особенностями, имеет набор устойчивых характеристик – тематических, композиционных, стилистических [2, с. 255], а также когнитивных, коммуникативных и коммуникативно-функциональных [7, с. 134], – которые и делают его уникальным по отношению к другим жанрам. А.А. Тертычный отмечает, что такие характеристики возникают либо произвольно, когда автор не задумывается над тем, каким должен быть его текст, либо в результате специальных творческих усилий адресанта, когда он заранее определяет, что должно быть отображено в тексте, как именно и с какой целью. В любом случае те тексты, которые обладают схо-

---

¹ Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 14-06-31067 мол_а «Жанровая конstellация как принцип организации текстов массово-информационного дискурса».

жими качествами, можно объединить в отдельные жанрообразующие группы [15]. Постоянство связей между определённым предметом, функцией и методом обеспечивает ту самую устойчивость формы, которая делает жанр узнаваемым даже при сравнении произведений, написанных разными авторами из разных стран и разных времён. Сходство композиции или, скажем, стиля может быть более или менее выраженным; сохраняется скорее некое «общее впечатление»... [20].

В целом набор жанров печатных средств массовой информации, как и понятие «жанр», непрерывно изменяется и усложняется. Появление новых коммуникативных ситуаций, являющихся следствием развития общества, обуславливает рождение новых жанров и отмирание старых, обновляя всю жанровую систему.

Современные авторы, исследуя «жанровую палитру» средств массовой информации, говорят о модификации традиционных жанров, которые стремятся к актуализации первичной формы, образуя переходные, гибридные [9] или синтетические жанры [7]. Возникает множество так называемых авторских жанров, фактически создаваемых, даже как бы инспирируемых, под конкретную личность и маркируемых конкретным именем.

Взаимодействие и взаимовлияние жанров, по утверждению некоторых учёных, в системе проявляются двойко: во-первых, любой жанр как таковой «оттеняется», выделяется другими жанрами, бытие одного жанра опосредованно влияет на функционирование соседних жанров; во-вторых, жанры испытывают непосредственное взаимовлияние вплоть до взаимопроникновения.

Любой жанр является элементом системы и, будучи зависимым от её функционирования, при этом обладает относительной самостоятельностью. Развитие системы жанров происходит в процессе вычленения новых жанров или обретения старыми дополнительных признаков, а также при их взаимопроникновении и взаимообогащении.

Двуединство этого процесса проявляется также в том, что, с одной стороны, каждый вновь появившийся жанр может оказывать значительное воздействие на систему существующих жанров, демонстрируя свои собственные возможности и укрепляя границы, а с другой, новый жанр не становится причиной отмирания старых, уже ранее существовавших, а только расширяет их круг [2].

В.В. Ученлова отмечает, что система жанров необратимо подвержена изменениям, объясняя это тем, что многообразие жанров имеет все возможности этого вида деятельности «в "моделировании" действительности, воздействии на неё» [18].

Действительно, в условиях изменения социального и культурного контекстов, а также практики СМИ постоянное обновление жанровой системы печатных изданий вполне закономерно.

Исследуя современные тенденции в жанровых процессах, И.Ю. Мясников отмечает, что для современных изданий характерно использование почти всех жанровых систем: литературы, статистики, делопроизводства, жанров зарубежной печати [11], что, на наш взгляд, также обуславливает присущие жанровому разнообразию дискурса СМИ сложность, многоаспектность и непрерывную динамику.

Действительно, в условиях изменения социального и культурного контекстов, а также практики СМИ постоянное обновление жанровой системы печатных изданий вполне закономерно.

В связи с тем что система жанров постоянно пополняется и развивается, а границы между отдельными жанрами становятся менее чёткими, вопрос жанрового разнообразия печатных СМИ не теряет своей актуальности, поскольку существующие критерии дифференциации – устойчивые признаки жанров, позволяют считать жанры довольно устойчивыми образованиями. Именно эта особенность жанра – наличие устойчивых признаков – часто не позволяет отнести конкретный текст массово-информационного дискурса к конкретному виду жанрового образования. В этом случае исследователю приходится решать, с чем он имеет дело: если жанровые границы объекта исследования довольно зыбкие, то он уже не может называться «жанром». Исследователи по-разному предлагают решить эту проблему.

Так, в исследованиях В.В. Дементьева и К.Ф. Седова мы встречаемся с понятием «гипержанр», или «гипержанровое событие», под которыми они понимают макрообразования, речевые формы, сопровождающие социально-коммуникативные ситуации и объединяющие в своём составе несколько жанров [5, с. 19; 12, с. 13].

Гипержанр, в отличие от простых и сложных, комплексных речевых жанров, отражает не просто «сложное» реальное событие, но такое, которое членимо на различные компоненты или эпизоды, часто выстраиваемые в определенном порядке, по определенному сценарию. Ряд таких эпизодов разыгрываемого гипержанрового сценария сопровождается вербальными действиями, другие – только реальными. Таким образом, важным признаком гипержанра и гипержанрового сценария является то, что они отражает комплексное, многокомпонентное, но единое и цельное событие действительности [19, с. 134].

В системе речевых жанров К.Ф. Седова мы встречаем также термин «жанроид». Автор определяет его как жанровый гибрид, располагающийся в пространстве между жанрами и имеющий признаки сразу двух жанров: «...текучесть, незавершённость норм внутрижанрового поведения позволяет выделить в рамках предлагаемой типологии переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве» [13, с. 19]. Н.Б. Лебедева, Е.А. Корюкина в своём исследовании понимают жанроид как жанровое образование, некоторыми признаками совпадающее с каким-нибудь литературным каноном, другими же признаками – с другим каноном или же вообще не имеющее признаков литературного жанра [10, с. 14].

В.И. Тюпа, критикуя такую сложную иерархическую систему, говорит о том, что такие «искусственные понятия» являются следствием двоякости категории дискурса: «данный термин равно применим и к единичному "акту высказывания", и к дисциплинарному "полю стабилизаций" таких актов. Это порой приводит к существенным недоразумениям, особенно если дискурс не отграничивается от речевого жанра, вынуждая вводить целый ряд избыточных искусственных понятий: "субжанр", "гипержанр", "комплексный жанр", "жанроид". Следствием неразличения занимающих нас категорий выступает утверждение о том, будто "жанровое пространство общения имеет полевую структуру", что справедливо по отношению к дискурсу, тогда как жанр характеризуется инвариантной структурой общения» [17, с. 40].

Автор предлагает размежевать два значения слова «дискурс» и соотнести их с понятием жанра.

«Дискурс I – это единичное (монотекстовое) коммуникативное событие, обладающее инвариантной жанровой структурой текстопорождения.

Дискурс II – это интертекстуальное коммуникативное пространство, как правило, разнотекстовое, полевая структура, ограниченная регулятивными границами социокультурных практик» [17, с. 40–41].

Соотнося эти дефиниции с классическим пониманием жанра М.М. Бахтина («В каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы [1, с. 454]), В.И. Тюпа выражает свою уверенность, что то, что К.Ф. Седов называет «комплексным речевым жанром», а именно «повседневное межличностное общение» или «разговор», отнюдь не является таковым, а представляет собой социальную институцию неофициального характера, то есть является разговорным дискурсом с неформальными, но достаточно очевидными для коммуникантов регулятивными рамками адекватного общения [17, с. 41].

Подобные споры, с одной стороны, добавляют новые вопросы в сложный процесс изучения жанра и дискурса, а с другой, в определённом смысле переворачивают традиционные представления о жанрах, вводя в научный обиход использование разных терминов для одних и тех же явлений.

На наш взгляд, к данному вопросу можно подойти несколько иначе. Исходя из понимания дискурса как системы жанров, обратимся к понятию «система».

Существует множество определений системы, выделяются различные её классификации и разновидности, однако все дефиниции сводятся к тому, что, согласно дословному переводу с греческого языка, система – это множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определённую целостность, единство [3]. Ключевыми словами для нас в данном определении будут слова «элементы», «отношения» и «связи». Итак, система любого дискурса, как и любая другая система, представляет собой множество элементов, в нашем случае – жанров, которые друг с другом взаимосвязаны и находятся в определённых отношениях, образуя некую коммуникативную целостность. Об иерархичности структуры дискурса учёные говорят уже давно, вводя такие понятия, как «гипержанр», «жанроид», «жанр», «субжанр» и т.п. [5], по сути давая описание схемы отношений жанров по принципу подчинения и соподчинения. Назовем эту схему «вертикальной».

Предположим теперь, что жанры (или другие элементы системы) взаимодействуют друг с другом как равноправные элементы каждый на своём уровне, отведённом ему в вертикальной иерархии. Это взаимодействие вполне можно обнаружить в массово-информационном дискурсе, когда два простых жанра, переплетаясь в едином текстовом пространстве, образуют не нечто более сложное, как, например, жанроид или гипержанр, с их комплексными характеристиками и особенностями, а, сохраняя структуру и жанровые конститутивные признаки каждого из жанров, изменяют либо усиливают прагматическую составляющую текста. Такое «горизонтальное» взаимодействие жанров, с одной стороны, не позволяет говорить о каких-то новых образованиях вроде гибридного жанра, а с другой, не оставляет возможности отнести текст к конкретному жанру с его устойчивыми конститутивными признаками. Проиллюстрируем сказанное конкретным примером.

В американской печатной прессе часто встречается раздел под названием «book review». Переведём его условно как «книжное обозрение». Выделить данный тип текста как самостоятельный жанр в пространстве массово-информационного дискурса нам позволяют его уникальные характеристики. Книжное обозрение выделяется в системе массово-информационного дискурса как один из видов аналитических жанров, преследующий цель привлечь внимание аудитории на новинки литературы, обладающий специфическими отличительными чертами и выполняющий информационную, воздействующую и эстетическую функции.

С одной стороны, тексты в данном разделе вполне можно отнести к отдельной жанровой разновидности, поскольку они обладают специфическими конститутивными признаками: комментарийно-оценочная информативность, воздействующая атрактивность, эстетическая привлекательность и рекламный характер, выполняют конкретную функцию и призваны выполнять определённую цель: довести до адресата информацию о вновь вышедшей книге, чтобы она нашла своего читателя. С другой стороны, детальное изучение текстов данной рубрики совершенно явно показало, что некоторые тексты могут иметь очевидные конститутивные признаки других жанров, например, критической статьи, рецензии или рекламы, при этом не теряя признаков книжного обозрения. Эти признаки настолько гармонично сочетаются друг с другом в одном тексте, что становится невозможным определённо сказать, к какой жанровой разновидности он относится.

Проанализируем короткий образец такого текста:

This is a brave book with a bold structure, combining women's experiences of giving birth, not all of them joyful, with a policy analysis of the debate between the organic and mechanic philosophies of labour. While the colour writing should sit uncomfortably with the policy analysis, it all integrates into a book that works well. Certainly there is too much spirituality for health economists, and earth mothers will recoil from the clinical case Mary-Rose MacColl makes for medical practitioners. But in pleasing no partisans she does a decent job of explaining birth from multiple perspectives, not least the mother's. Perhaps the most important aspect of the book is the way MacColl demonstrates how much ideology exists on the best way to give birth that has little to do with ensuring safety (The Birth

Wars: The Conflict Putting Australian Women and Babies at Risk by Mary-Rose MacColl, The Christian Science Monitor, 29.08.2009).

Это смелая книга с четкой структурой, сочетающая женский опыт рождения детей, не всегда радостный, с анализом разных позиций в споре между естественной и механической философией родов. Казалось бы, яркое повествование должно плохо соотноситься с анализом, однако всё это вполне успешно объединено в одной книге. Конечно, присутствует слишком много одухотворённости для экономистов здравоохранения, и женщины, познавшие материнство, будут испытывать отвращение от клинических случаев, которые Мэри-Роуз Мак Колл описывает для практикующих медиков. Но, стараясь доставить удовольствие не только поклонникам, она проделала хорошую работу в отношении объяснения родов с многочисленных точек зрения, и точка зрения матери не самая последняя. Возможно, самым важным аспектом книги является то, что Мак Колл демонстрирует, как много существует идеологий того, каков самый лучший способ родов, и как это мало общего имеет с понятием гарантии безопасности. («Родовые войны: конфликт, подвергающий австралийских женщин и новорожденных риску», Мэри-Роуз Мак Колл, Кристиан сайенс монитор, 29.08.2009 г.) (Прим.: Здесь и далее перевод наш. – М.Б.)

Исходя из того, что данный текст является своеобразным представлением книги, вышедшей в свет, в котором обозреватель информирует читателя об авторе книги, её структуре и содержании, даёт описание ключевых моментов и характерных особенностей, мы можем сделать вывод о том, что это книжное обозрение. Об этом нам говорит также такой формальный признак, как расположение статьи в рубрике «Books» («Книги») и её название: *The Birth Wars: The Conflict Putting Australian Women and Babies at Risk by Mary-Rose MacColl* («Родовые войны: конфликт, подвергающий австралийских женщин и новорождённых риску», Мэри-Роуз Мак Колл).

С другой стороны, мы вполне объективно можем выделить в тексте признаки рецензии. Даже при поверхностном анализе данного отрывка невозможно не заметить ярко выраженный оценочный компонент, который является ключевым конститутивным признаком жанра рецензии [8]. Е.М. Вольф рассматривает оценку как один из видов модальности, которая определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами. Автор указывает, что для оценки свойственна характерная структура в виде модальной рамки с обязательными и факультативными элементами. Оценочная модальность содержит в себе субъект оценки, её объект и оценочное отношение со значением «хорошо/плохо». При этом субъект и объект оценки являются главными элементами оценочной модальной рамки, связанными оценочным предикатом, выраженным непосредственно конкретно-оценочными словами («хороший», «плохой», «нравится», «не нравится») либо посредством семантики высказывания в целом. Однако следует отметить, что для оценочного предиката свойственны два основных значения – «хорошо» и «плохо», «+» и «-», но не всем словам, включающим оценку, можно приписать знак «+» или «-», если они находятся вне контекста [4].

В рассматриваемом тексте можно обнаружить как оценочные высказывания со знаком «+», так и конкретно-оценочные слова со знаком «-». Так, судя по контексту, положительную коннотацию несут в себе слова и выражения «brave» («смелый»), «the colour writing» («яркое повествование»), «that works well» («успешно работает»), «a decent job» («хорошая работа»), the most important aspect («наиболее важный аспект»), слабые стороны рассматриваемого объекта характеризуются фразами «too much» («слишком») и will recoil («вызовет отвращение»). Авторская оценка, выраженная подобным образом, то есть с использованием как положительных, так и отрицательных характеристик, является в рецензии своеобразным приёмом, который рецензент использует для того, чтобы сделать текст наиболее убедительным для читателя, минимизировать сомнения в адекватности и непреложности мнения рецензента.

В анализируемом тексте можно также выделить ещё одну черту, характерную для текстов жанра «рецензия», – персуазивность. В основе персуазивности лежит не просто оценка произведения, но также стремление автора убедить в истинности того, что он пытается донести до адресата, иными словами, повлиять на оценку, выносимую аудиторией, описываемого предмета, убедить в необходимости непосредственного ознакомления с самим произведением. Для этого должен учитывать особенности этой аудитории, знать её актуальные потребности, их характер. В этой связи уместно вспомнить А.А. Тертычного, предлагающего разделить аудиторию рецензии на два типа [16, с. 130]: 1) аудиторию, читающую рецензию до знакомства с рецензируемым произведением – это массовая аудитория; 2) узкую аудиторию специалистов. Для аудитории первого типа рецензия играет роль анонса, ориентира в ситуации выбора, например, «что почитать?». Для читателей второго типа важно выработать свою точку зрения на объект оценки, для чего необходимо знать мнения, высказываемые другими столь же компетентными людьми.

Нетрудно заметить, что в рассматриваемом тексте автор обращается как к широкой аудитории: «*no partisans*» («не фанаты»), «*earth mothers*» («женщины, познавшие материнство»), так и к специалистам совершенно конкретных отраслей: «*health economists*» («экономисты здравоохранения»), «*medical practitioners*» («практикующие медики»). Удачно сочетая в тексте специализированную терминологию, например, «*organic and mechanic philosophies of labour*» («естественная и механическая философия родов»), «*clinical case*» («клинический случай») и эмоционально окрашенную лексику, такую, как «*not all of them joyful*» («не всегда радостный»), «*too much spirituality*» («слишком много одухотворенности»), «*in pleasing*» («стараясь доставить удовольствие»), «*not least the mother's*» («точка зрения матери не самая последняя»), «*has little to do*» («имеет мало общего»), автор достигает сразу двух эффектов: ощущение непредвзятости и авторитетности оценки, с одной стороны, и эмоциональной яркости и эстетической привлекательности, с другой.

Таким образом, два жанра, имеющие устойчивые конститутивные признаки и широко представленные в массово-информационном дискурсе в «чистом виде», легко могут сосуществовать в одном тексте. Мы можем предположить, что в зависимости от того, какая цель, помимо основного коммуникативного намерения, преследуется в том или ином тексте, он может представлять некую взаимозависимость жанровых направлений, которые могут как фигурировать в дискурсе по отдельности, так и сосуществовать в одном тексте. Для обозначения такого явления мы предлагаем использовать термин «конstellация жанров», или «жанровая конstellация».

В исследованиях дискурса и жанра данное понятие ранее не использовалось. Впервые термин «конstellация» в лингвистике был введён автором глоссематики, датским учёным Л. Ельмслевом. Он ввёл это слово в процессе описания взаимосвязей в структуре языка, определив его как свободные зависимости, в которых оба члена являются совместимыми, но ни один не предполагает существования другого [6]. На наш взгляд, подобное явление вполне можно обнаружить и при изучении взаимосвязей между жанрами. Это доказывает пример, проанализированный нами выше.

Введение нового термина, на наш взгляд, не служит опровержением существующих результатов жанровых и дискурсивных исследований и предложенных авторами систем и иерархий жанров и жанровых образований. Жанровая конstellация – это не явление, а процесс, который имеет место в системе жанров, и при обнаружении более устойчивых связей в межжанровом взаимодействии и увеличении репрезентативности в дискурсе вполне может привести к новым жанровым образованиям, таким, как гипержанр или жанроид.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – Москва, 1975. – 504 с.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – Москва : Искусство, 1986. – С. 250–296.

3. Большая Советская энциклопедия. – Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_sovet/Sistema-81995.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф // АН СССР. Ин-т языкознания; отв. ред. Г.В. Степанов. – Москва : Наука, 1985. – 228 с.
5. Дементьев В. В. Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов, 1998. – 107 с.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л. Ельмслев. – Москва : КомКнига, 2006. – 248 с.
7. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М. Р. Желтухина. – Москва : Ин-т языкознания РАН – Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
8. Земцова Л. А. Искусствоведческая рецензия как жанр массово-информационного дискурса : дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Земцова. – Волгоград, 2006. – 212 с.
9. Королькова Е. В. К вопросу об особенностях жанрообразования в современных СМИ / Е. В. Королькова, Г. И. Юрова // Язык, коммуникация и социальная среда : сб. ст. – Воронеж : ВГТУ, 2002. – Вып. 2. – С. 132–136. – Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2002>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
10. Лебедева Н. Б. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанроведческий аспект / Н. Б. Лебедева, Е. А. Корюкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 3 (23) – С. 11–23.
11. Мясников И. Ю. Жанры речи в дискурсе периодического издания: специфика дискурса и описательная модель речевого жанра : дис. ... канд. филол. наук / И. Ю. Мясников. – Томск, 2005. – 212 с.
12. Седов К. Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» / К. Ф. Седов // Жанры речи. – Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 188–195.
13. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров. – М. : Лабиринт. – 2007. – С. 7–38.
14. Седов К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов, 1999. – Вып. 2. – С. 13–25.
15. Тертычный А. А. Жанры периодической печати : учеб. пос. / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2000. – Режим доступа: <http://www.evarist.narod.ru/text2/01/htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
16. Тертычный А. А. Понятие аргументации / А. А. Тертычный // Аргументация в публицистическом тексте (жанрово-стилистический аспект). – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. – 1992. – 242 с.
17. Тюпа В. И. Жанр и дискурс / В. И. Тюпа // Критика и семиотика. – 2011. – Вып. 15. – С. 31–42.
18. Ученова В. В. Современные тенденции развития журналистских жанров / В. В. Ученова // Вести Моск. ун-та. – Сер. 10. Журналистика. – 1976. – № 4. – С. 66–73.
19. Шарифуллин Б. Я. Гипержанры и гипержанровые сценарии в вербальной и невербальной коммуникации / Б. Я. Шафиуллин // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 6. – С. 132–144.
20. Шибеева Л. Жанры в теории и практике журналистики / Л. Шибеева // Журналистика. – 2000. – №. 17/47. – Режим доступа: <http://www.relga.rsu.ru/n47/jur47.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Bahtin M. M. (1975). Voprosy literatury i jestetiki, 504.
2. Bahtin M. M. (1986). Problema rechevyh zhanrov. Jestetika slovesnogo tvorchestva, 250-296.
3. Bol'shaja Sovetskaja jenciklopedija. http://enc-dic.com/enc_sovet/Sistema-81995.html.

4. Vol'f E.M. (1985). Funkcional'naja semantika ocenki. AN SSSR. In-t jazykoznanija, 228.
5. Dement'ev V. V. & Sedov K. F. (1998). Sociopragmaticeskij aspekt teorii rechevyh zhanrov, 107.
6. El'mslev L. (2006). Prolegomeny k teorii jazyka, 248.
7. Zheltuhina M. R. (2003). Tropologicheskaja suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstviya tropov v jazyke SMI, 656.
8. Zemcova L. A. (2006). Iskusstvedcheskaja recenzija kak zhanr massovo-informacionnogo diskursa : Dis. ... kand. fil. nauk. 212.
9. Korol'kova E. V. & Jurova G. I. (2002). K voprosu ob osobennostjah zhanroobrazovanija v sovremennyh SMI. Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda, (2),132-136. <http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2002>.
10. Lebedeva N. B. & Korjukina E. A. (2013). Naivnyj avtor kak pis'menno-rechevaja lichnost': zhanrovedcheskij aspekt. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija, (3/23),11-23.
11. Mjasnikov I. Ju. (2005). Zhanry rechi v diskurse periodicheskogo izdaniya: specifik diskursa i opisatel'naja model' rechevogo zhanra : Dis. ... kand. filol. n. 212.
12. Sedov K. F. (1997). Vnutrizhanrovyje strategii rechevogo povedenija: «ssora», «kompliment», «kolkost'». Zhanry rechi, (1), 188-195.
13. Sedov K. F. (2007). Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoj kommunikacii. Antologija rechevyh zhanrov, 7–38.
14. Sedov K.F. O zhanrovoj prirode diskursivnogo myshlenija jazykovoj lichnosti. Zhanry rechi, (2),13-25.
15. Tertychnyj A. A. (2000). Zhanry periodicheskoj pečati. <http://www.evarist.narod.ru/text2/01/htm>.
16. Tertychnyj A. A. (1992). Ponjatie argumentacii. Argumentacija v publicisticheskom tekste (zhanrovo-stilisticheskij aspekt). 242.
17. Tjupa V. I. (2011). Zhanr i diskurs. Kritika i semiotika, (15), 31-42.
18. Uchenova V. V. (1976). Sovremennye tendencii razvitija zhurnalistskih zhanrov. Vesti Mosk. un-ta, (4), 66-73.
19. Sharifullin B. Ja. (2012). Giperzhanry i giperzhanrovyje scenarii v verbal'noj i neverbal'noj kommunikacii. Gumanitarnye i social'nye nauki, (6), 132-144.
20. Shibaeva L. (2000). Zhanry v teorii i praktike zhurnalistiki. Zhurnalistika, (17/47). <http://www.relga.rsu.ru/n47/jur47.htm>.

**ФУНКЦИЯ МЕТАФОР В АТЛАСЕ Г. БИДЛОУ
«АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА» НАЧАЛА XVIII в.**

Веклич Марина Владимировна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: mveklich@mail.ru.

Статья представляет исследование функции метафоры в пространстве русского научного медицинского текста XVIII века.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, источники метафорической номинации, когнитивная функция метафоры

**FUNCTION OF METAPHORS IN ATLAS OF G. BIDLOO “ANATOMY
OF THE HUMAN BODY” AT THE BEGINNING OF THE 18th CENTURY**

Veklich Marina V., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatischev St., e-mail: mveklich@mail.ru.

The article presents a study function of metaphor in the space of Russian scientific medical text of the XVIII century.

Keywords: metaphor, metaphoric model, sources of metaphorical nomination, cognitive function of metaphor